

И.А. Чайко

РОДОПЛЕМЕННАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО СИРИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Чайко Ирина Александровна — научный сотрудник
Центра ближневосточных исследований
Института международных исследований МГИМО (У) МИД России,
Москва, 119454, просп. Вернадского, 76. E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Резюме

Родоплеменная структура современного сирийского общества, характеристика которой дается в статье, — это основа для понимания устройства и функционирования сирийского государства в целом. Общество в этой стране чрезвычайно гетерогенно и представляет собой этноконфессиональную мозаику. Но клан, племя, род — это первоначальные и наиболее стабильные его элементы и одновременно главный принцип самоидентификации его членов. Религиозная принадлежность в данном случае оказывается вторичной по отношению к социальной. При любом исходе вооруженного конфликта в Сирии роль и значение родоплеменного принципа как основы общественного устройства в Сирии не изменится.

Ключевые слова: *Сирия, вооруженный конфликт, Б. Асад, этноконфессиональная структура, родоплеменная структура, алавиты, непотизм.*

Структура современного сирийского общества — это результат многовековых миграций различных народов, оседания на одной территории всевозможных этносов, формирования религиозных общностей ортодоксального и еретического толка. Необычайная гетерогенность сирийского общества, его этноконфессиональная пестрота накладываются на сложную родоплеменную и семейно-клановую структуру, формирование которой уходит корнями в феодальное общество.

Несмотря на имеющие место религиозные конфликты и межклановые противоречия, сирийское общество смогло выработать уникальную модель, в рамках которой веками сосуществовали несколько общин, сохраняющих в целом основы своих религий, культур и традиций. Сегодня, оценивая возможные варианты развития и урегулирова-

ния затянувшегося вооруженного конфликта в Сирии, можно рассчитывать, в том числе, на конструктивную роль существовавшего длительное время национального и межрелигиозного взаимодействия, на сохранение столетиями наработанных хозяйственных и социальных связей.

Этноконфессиональная структура современного сирийского общества представлена приверженцами двух религий — ислама и христианства, принадлежащими к различным их группам, направлениям, течениям. На более раннем историческом этапе на территории Сирии проживали также члены иудейской общины, но позже евреи практически полностью переселились в Израиль и США. Отдаленные, отпочковавшиеся от основных вероучений группы сформировали своего рода секты и общности религиозных маргиналов, таких

как алавиты, друзы, исмаилиты и др. В подобных общностях значимость родоплеменной принадлежности всегда была наиболее высока.

Самоидентификация по родовому принципу свойственна, главным образом, представителям доминирующей мусульманской уммы. Принадлежность к тому или иному клану сама по себе уже предполагает положение и место человека в обществе. Для этнических и социальных групп других конфессий при вынужденном сосуществовании с многочисленными мусульманами и поиске своей ниши в сирийском обществе была более характерна ставка на состоятельность, конкурентность, уровень и качество образования.

Для представителей христианской общины семейственность не играет столь важной роли. Являясь гораздо малочисленной, сирийская христианская община исторически стала сама по себе очень сплоченной и наиболее восприимчивой к новым идеям модернизации и демократизации, готовой включиться в процесс принятия политических решений на новом уровне. Мусульмане (сунниты, шииты-алавиты, исмаилиты, друзы) составляют более 90 % населения страны, христиане (католики, протестанты, православные), среди которых выделяется армянская община, около 10 % (по оценкам до начала конфликта).

Этнический состав населения Сирии представлен главным образом арабами (около 86,2 %), а также курдами (около 7,3 %), армянами (2,7 %). Небольшой процент (примерно 3,8 %) составляют малочисленные еврейская, черкесская, туркменская, ассирийская, цыганская и турецкая общины. При этом сирийские курды — это одно из основных и одновременно наиболее притесняемых в правовом и культурном плане национальных меньшинств. Они по большей части исповедуют ислам — как шиитского, так и суннитского толка. Для курдов наиболее значимой, по сравнению с религиозной или родовой, является их национальная самоидентификация.

Сплачивающим фактором является задача обеспечения своих прав и свобод в сирийском обществе. Жесткость позиции сирийских властей по отношению к курдам объясняется целью — не допустить их организационного объединения и подъема национально-освободительного движения.

Любая партия, стремящаяся к власти в Сирии или в любой другой восточной стране, всегда была тесно связана с какой-либо конфессиональной группой. При высокой гетерогенности сирийского общества, задачей политического лидера непременно становилось обеспечение стабильного сосуществования всех этносов и конфессий. И политика нынешнего президента Сирии Б. Асада направлена на поддержание межконфессионального мира всеми возможными методами.

Помимо этноконфессиональной мозаики, присутствия значительного числа религиозных общин и социальных групп, для сирийского общества характерно еще более глубокое дробление на основе семейно-клановых взаимоотношений, зародившихся много веков назад, и хотя не сохранивших свое правовое закрепление, но продолжающих существовать в настоящее время. При этом каждый клан или племя религиозно идентифицированы.

Являются ли взаимозависимыми клановая и религиозная принадлежность? По большей части — да. Однако нередки и исключения: присутствие среди членов клана «иноверцев», что делает религиозную принадлежность в этом плане вторичной. Жена алавиты Б. Асада является сунниткой, при этом они — члены одного и того же клана. Этот факт соотносится с провозглашенными политическими идеями светского национально-сирийского характера государства, достаточно развитыми традициями веротерпимости. Борец за независимость Сирии Султан-паша аль-Атраш (друг по вероисповеданию), возглавивший восстание против французов, говорил: «Религия для бога, а страна для всех нас».

Алавиты делятся на привилегированных хасса («посвященных») и основную массу — амма («непосвященных»). Первые обладают священными книгами и особыми знаниями, что дает им власть над непосвященной массой. Вторым отводится роль послушников-исполнителей. Б. Асад, являясь главой государства, где подавляющее большинство населения — мусульмане, не является «посвященным». Принадлежность к клану оказывается значительнее религиозных титулов.

Одной из тенденций последнего времени стал переход суннитов в шиизм по политическим соображениям. Такие переходы были немыслимы еще несколько лет назад. По каким бы политическим соображениям не совершались эти движения, значимость религии как основного идентификатора и принципа классификации общества в Сирии снижается. С проникновением на Восток новых веяний модернизации, идей либерализма, демократии такая тенденция лишь усилится. При этом составляющие фундамент первоначальные ячейки общества — род, племя, клан — остаются сплоченными и устойчивыми структурными элементами.

Межплеменные взаимоотношения и кровнородственные связи в Сирии — это наиболее стабильный и реально функционирующий способ организации как общественной, так и политической и экономической жизни в государстве. Этот веками проверенный тип взаимоотношений лежит в основе всей вертикали власти в Сирии и является доминирующим во всех видах хозяйственной и общественной жизни на местах. При возникновении конфликтной ситуации люди прежде всего ищут защиты среди близких — в кругу своего племени, клана или другой сплоченной общности, для которой наиболее важным моментом является обеспечение безопасности, финансово-экономических выгод, сохранение собственности, связей, сфер влияния.

Военный конфликт в Сирии нередко представляют в прессе как резуль-

тат давно назревших противоречий между религиозными меньшинствами во главе с алавитской правящей группой, с одной стороны, и суннитским большинством — с другой. В наиболее обобщенной форме это действительно так. Такая трактовка выгодна тем силам на Западе, которые в своей глобальной игре делают ставку на радикализацию суннитского ислама как средства борьбы с шиитским Ираном. Выгодна она и оппозиции — это позволяет проще мотивировать протест и консолидировать массу. Сама принадлежность Б. Асада и его семьи к малочисленной группе алавитов, представляющих собой ответвление шиизма, как бы «автоматически» противопоставляет ее большей части мусульман-суннитов, чье участие в политической жизни страны ограничено. Такое понимание конфликта не раскрывает полную картину происходящего. Процессы, разворачивающиеся в сирийском обществе, невозможно понять без учета специфики родоплеменного уклада.

В ходе «арабской весны» в каждой из стран, где происходила смена режимов (Тунис, Ливия, Йемен), помимо собственных им отдельных деталей, прослеживается и целый ряд общих моментов. Один из них — «феномен неопотизма» (кумовства), который наглядно демонстрирует роль кровнородственных и семейно-клановых связей в организации общественно-политической и экономической жизни государств, а также позволяет более четко обозначить характер противоречий.

Известным фактом (еще задолго до конфликта) является сосредоточение основной власти в стране в руках не просто членов алавитской общины, а ближайших родственников Б. Асада. За ними закреплены все ключевые посты в государстве, им подчинена армия, полиция, спецслужбы, они отвечают за принятие основных решений в государстве. На «верхушке властной пирамиды» находятся члены алавитского клана Асадов и Махлюфов, на чуть более низком уровне во властную элиту ока-

зываются вовлеченными личные друзья семейств.

Перечислять имена и должности ближних и дальних влиятельных родственников Б. Асада не имеет смысла. Их много. Считается, что многочисленная семья Б. Асада практически полностью подчинила себе всю экономическую жизнь страны. Основные обвинения в коррупции предъявляются Рами Махлюфу — двоюродному брату Башара, сыну брата супруги Хафеза Асада. Под контролем Рами находится около 60 % сирийской экономики. Ему принадлежат компании сотовой связи, банки, авиакомпания, магазины беспошлинной торговли и т.д. Отмечается, что уже во время первых протестов в Дараа ярость и ненависть демонстрантов были направлены в первую очередь против Рами, получившего наибольшую выгоду от приватизации и либерализации экономики посредством мафиозных методов. Крестьяне, измученные засухой, возлагали на него вину за пренебрежение нуждами сельского хозяйства.

Итак, во главе сирийского государства стоит клан, опирающийся на поддержку алавитского меньшинства. Но Асадов поддерживают далеко не только алавиты. Пусть и в неравных пропорциях, сунниты, алавиты, христиане сегодня присутствуют как среди оппозиционных правящему режиму сил, так и среди сил, его поддерживающих. Основные претензии недовольных обращены непосредственно к власти имущим — коррумпированным Асадам.

Власть, не выстроенная на надежном фундаменте семейственности, на Ближнем Востоке была бы обречена. Б. Асад наследовал власть от отца Х. Асада, пришедшего к руководству страной в 1970 г. Изначально предполагалось, что наследником будет старший брат Башара — Басиль, но он погиб. При этом Сирия — не провозглашенная монархия, а республика, сущность которой в восточном сирийском обществе обрела особый смысл.

Для Сирии, где общественные отношения веками были пронизаны кли-

ентально-патронажными связями, а влияние семейного клана определялось масштабами и типом собственности, принадлежностью к тому или иному сословию, численностью клиентов, восприятие и сколько-нибудь адекватное понимание политических идей демократии, национализма, социализма было абсолютно нереально. На это способна лишь мизерная часть сирийских граждан.

Х. Асад смог представить идею национализма, идею создания единого сирийского общества, не имеющего под собой конфессиональной основы, совместив ее с традиционными механизмами сохранения системы, посредством использования своей клановой общности. Управление государством во многом обеспечивалось через патронажную общественно-политическую сеть, базирующуюся на семейных, племенных, конфессиональных и земляческих связях. Всё это подкреплялось и личностным авторитетом президента, что давало возможность практиковать некую форму авторитаризма, при которой политическая идеология не была исключительной основой управления, а прерогатива принятия ответственных решений принадлежала Х. Асаду и членам его рода. Националистическая идеология Х. Асада — это скорее лозунг, ширма, средство пропаганды, используемое для внешних дискуссий. Гибкая политическая идеология способствовала развитию западных форм политического устройства с учетом специфики региона.

В соответствии с провозглашенной идеей национализма, а также для обеспечения стабильности режима и целостности государства была выработана модель баланса сил в разнородном сирийском обществе. С учетом значимости родоплеменного фактора, задача поддержания баланса между племенами всегда была очевидной. Относительно мирное сосуществование кланов и племен достигалось как посредством налаживания взаимовыгодных союзнических связей, так и силовыми метода-

ми. Армия и спецслужбы всегда являлись главной опорой режима Асадов. Во времена правления Асада-отца 90 % состава армии были алавитами. В дальнейшем алавиты также остались там в большинстве, но при этом ряды армии пополнились представителями других религиозных меньшинств.

Для подрыва авторитета вождей племен, пресечения стремлений к сепаратизму и независимости сирийские власти с помощью служб безопасности прибегали к насильственным методам подчинения: применялись пытки, аресты, похищения людей, убийства наиболее влиятельных старейшин. Под давлением властей многие шейхи вынуждены были покинуть места традиционного проживания своих соплеменников и поселиться в крупных городах – Дамаске и Алеппо.

Благодаря выбранной тактике и стратегии обеспечения своей легитимности, режим Асадов на протяжении более 40 лет демонстрировал непревзойденную внутреннюю устойчивость: серьезных посягательств на власть в Сирии не происходило до начала событий «арабской весны».

Понятно, что необходимость перемен и внутренних реформ вызревала постепенно, как и во всех других странах, охваченных «арабской весной». Очевидны политические, экономические и социальные мотивы начала народных выступлений. По сути, недовольство масс политикой правящего режима тесно связано с недовольством одних кланов положением и доминированием в сирийском обществе других. Ситуация, когда бизнес и капиталы находятся в руках алавитских кланов, суннитские кланы, естественно, не устраивала. С началом конфликта межклановые и, как следствие, внутриконфессиональные противоречия обострились. Вспомнились долгое время сдерживаемые кровнородственные обиды, межплеменная вражда. Взаимодействие между племенами на почве сходных трудностей и интересов усилилось.

Система дала сбой, механизмы, отвечающие за общественный консенсус на

основе объединяющих националистических лозунгов и выстроенной ранее модели баланса сил, больше не работали. Сам Б. Асад, давно это понимавший, начал преобразования, но не смог справиться с ситуацией, конфликт принял затяжной характер и практически перерос в гражданскую войну.

Контролировать действия, как неконсолидированной оппозиции, так и сил, подконтрольных Б. Асаду, – дело достаточно проблематичное. С течением конфликта вовлеченные в военные действия племена и кланы, проживающие на разных территориях и контролируемые их, оказались вынуждены реагировать на любые недружелюбные акты в свой адрес в соответствии со своими принципами, религией, зачастую не отчитываясь и не спрашивая разрешения у высшего политического руководства. Восприниматься как нанесение ущерба, оскорбление рода и повод для разборки с оппонентом может, например, убийство любого из родственников, оскорбление святынь, старые обиды и т.д. В случае с химическим оружием именно по этой причине нельзя исключать, хотя и очень маловероятную, версию применения его сторонниками дамасского режима, так как при всей нелогичности этой операции сам Б. Асад мог быть попросту не проинформирован об этом своими же сторонниками, ведущими боевые действия против оппозиции.

Племена и кланы периодически создают союзы и коалиции, затем выходят из них, поддерживают одних, затем по тем или иным соображениям, обычно связанным с выгодами для своих членов, меняют свои предпочтения и ориентации. Так, обеспечивающие порядок в приграничном Баальбеке шиитские кланы, среди которых клан Хаммас, насчитывающий около 45 тыс. человек; другой большой клан – Хаммадех; более мелкие: Насреддин, Аллауи, Дандаш и Ала ад-Дин, – утверждают, что в начале сирийской войны они сохраняли нейтралитет. Однако серия нападений на шиитские святыни заставила их изме-

нить позицию и поддержать «Хизбаллу» и Асада. Ненависть кланов к сирийским мятежникам еще более усилилась после ракетных обстрелов Баальбека. Один из членов клана Хаммас отметил, что, атаковав Баальбек, мятежники «разворошили змеиное гнездо», и на что они теперь рассчитывают — непонятно.

С другой стороны, наблюдается активный рост сепаратизма крупных и влиятельных кланов, некоторые из которых ранее поддерживали режим Асада. Шейхи одной из наиболее влиятельных племенных группировок Шаммар, проживающей на территории Сирии и Ирака и контролирующей большую часть границы между странами, а также основные стратегические автомагистрали, официально выразили поддержку оппозиционным силам. Более того, непосредственно волнения, переросшие в дальнейшем в кризис центральной власти, начались именно с бедуинской вотчины Дераа — территории, подконтрольной Шаммар.

Активное сотрудничество между сирийскими и иракскими членами конфедерации Шаммар, несмотря на официальную границу между странами, имеет давнюю историю. Шаммар задействована в контрабанде товаров, переправке наркотиков, оружия и людей между странами. Поддерживая сирийскую оппозицию, иракские племенные шейхи этой группы бросают вызов центральному правительству в Багдаде, поддерживающему официальный Дамаск. Иракский премьер-министр Нури аль-Малики в попытках не допустить активной поддержки со стороны Шаммар сирийских родственных кланов в мае 2012 г. предложил племенам рабочие места в силах безопасности, а также финансирование правительством ирригационной системы сельскохозяйственных угодий.

Шаммар также связана с руководством Саудовской Аравии, где эта племенная группа имеет сильные позиции. Тесные и прочные связи с родственными племенными группами в Ираке, Саудовской Аравии, помимо Шаммар,

имеют такие племена Северо-Восточной Сирии, как Баггара, Джаббур, Дулейм и Угайда. Предполагается, что иракские и саудовские племена оказывают своим соплеменникам или членам дружественных кланов из сирийской оппозиции помощь оружием, боеприпасами и боевиками. Очевиден межгосударственный характер племенного взаимодействия.

Племена в Сирии — мощный мобилизационный ресурс, активно используемый как проправительственными, так и оппозиционными силами. Привлечение на свою сторону племен происходит посредством различных тактик, основанных на взаимовыгодных условиях, а также на основе непосредственно родства и апеллирования к давним дружественным межплеменным связям.

Сепаратизм крупных племен, естественным образом активизировавшийся курдский сепаратизм, обострившаяся межклановая вражда и родоплеменное разделение, усилившееся межгосударственное взаимодействие отдельных мусульманских и немусульманских общностей, стремящихся к автономии, и, как следствие, межрелигиозное противостояние на фоне конфликта — всё это символизирует кризис системы ранее выстроенного баланса в сирийском обществе. Некоторые эксперты, убеждаясь, насколько значима и традиционна для Ближнего Востока родоплеменная структура и различные клановые связи, и понимая, что система баланса сил между племенами не только в Сирии, но и во многих других странах, охваченных «арабской весной», нарушена, заговорили о происходящем крупнейшем со времен распада Османской империи и образования современных арабских государств тектоническом сдвиге.

Чем дольше будет продолжаться война в Сирии, тем сильнее будет усиливаться разрозненность общества и тем сложнее будет достичь нового баланса сил между племенами. При этом незыблемость родоплеменной структуры сирийского общества очевидна. Никакие западные веяния не способны

пошатнуть принцип семейственности как основу общественного устройства. Война в Сирии носит характер не только геополитической борьбы между Западом, Россией, Китаем, между арабами суннитского направления и шиитами, между Асадом и неструктурированной оппозицией, но и между родами и кланами, которые по разным причинам оказались вовлечены в эту борьбу. Племена — это объективная реальность для восточного общества, с которой необходимо считаться.

* * *

Таким образом, родоплеменная структура современного сирийского общества — это основа для понимания устройства и функционирования государства в целом. Отличительной чертой сирийского, как и вообще восточного, общества являются семейно-клановые и кровнородственные связи, которые на протяжении веков играли наиболее значимую роль в организации жизни на политическом, экономическом и социальном уровнях. Сирийское общество необычайно гетерогенно и представляет собой этноконфессиональную мозаику, но клан, племя, род — это первоначальные и наиболее стабильные его элементы и главный принцип самоидентификации его членов. Религиозная принадлежность в данном случае оказывается вторичной по отношению к социальной.

Племен и кланов в Сирии множество, сосредоточены они по территориальному принципу, могут быть более или менее многочисленными. Большие, влиятельные и богатые кланы или племенные группы в своем арсенале часто имеют вооружение и военную технику. Вражда между отдельными кланами может иметь многовековую историю, достаточно распространены такие явления, как кровные обиды и месть. Взаимозависимость религиозной и кланово-племенной принадлежности не абсолютна — встречаются исключения, когда в состав одного клана могут входить представители разных конфессий или разных течений одной конфессии.

Родоплеменные взаимоотношения и связи, пронизывая систему общественных отношений, лежат и в основе построения всей вертикали власти. Для Сирии характерен nepoтизм властной элиты. Представители доминирующего алавитского клана Асадов занимают все ключевые посты в государстве, им же принадлежит более 60 % всей экономики страны. К военному конфликту в Сирии, который явился продолжением «арабской весны» на Ближнем Востоке, привели, по сути дела, внутренние причины: ослабление режима, необходимость реформ, снижение жизненного уровня и т.д., — однако внутриконфессиональные, межклановые противоречия сыграли в этом не последнюю роль.

Одни кланы и племена на волне нарастающего недовольства в обществе решили непременно воспользоваться ситуацией для максимального извлечения выгоды, целью других стало обеспечение безопасности своих членов, сохранение наработанных связей и собственности. Отдельные кланы в надежде свергнуть неуютный режим и побороться за власть перешли на сторону оппозиции, целью других стал сепаратизм и получение автономии. Происходит смена политических ориентаций кланов, разрушаются старые племенные союзнические связи и образуются новые, деление по родоплеменному принципу стало более ощутимым и выраженным. Всё это сопровождается разрушением длительно существовавшей модели межплеменного баланса сил в разнородном сирийском обществе.

При любом исходе вооруженного конфликта в Сирии: произойдут или не произойдут крушение асадовского режима и смена политической власти, — роль и значение родоплеменного принципа как основы общественного устройства не изменится. Вне зависимости от политического представительства, все важнейшие решения в государстве как принимались, так и будут приниматься посредством семейно-кланового взаимодействия. Межклановое сотрудничество еще очень долгое

время будет оставаться наиболее эффективным и реально действующим механизмом в организации жизни общества на всех его уровнях, включая организацию власти в стране. Не следует рассматривать Сирию как государство в его западном понимании. Здесь, как и в других типичных странах региона, очень сильны восточная ментальность и традиционный уклад, без учета которых реализация политических идей невозможна. Об этом говорит и высокая значимость племенного фактора в сирийском конфликте.

Учитывая сосредоточение большей части экономического сектора в руках членов клана Асадов, представляется логичным, что даже при смене политической власти новым правителям еще

долго придется сотрудничать и считаться с членами этого клана, а его влияние на принятие важнейших государственных решений непременно сохранится. Можно предположить, что и часть ключевых политических должностей в этом случае на какое-то время также останется за членами клана ныне доминирующих Асадов. Подобные примеры при смене режимов за время «арабской весны» имеются (например, в Йемене). Вне зависимости от исхода событий в Сирии, в будущем перед лидером этой страны встанет задача выстраивания нового баланса сил в обществе. Это будет касаться различных социальных общностей, этноконфессиональных групп, а также собственно кланов и племен.

The Tribal Structure of Modern Syrian Society

Irina Chaiko is a research associate at the Center for Middle Eastern Studies, Institute of International Studies, MGIMO-University, 76 Vernadsky Ave., 119454. Moscow. E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Summary

The tribal structure of modern Syrian society which is described in the paper forms the basis for the understanding of the whole Syrian state system and functioning. Society in this country, being extremely heterogeneous, presents a mosaic of ethnic and confessional groups. However the clan, tribe and family are its primordial and most stable elements, and at the same time the base for self-identification of its members. The confessional membership appears to be secondary to the social one. Irrespective of the actual outcome of the current Syrian armed conflict – no matter if the Asad regime collapses or not, – the tribal basis of the social order in Syria will surely retain its leading role and importance.

Keywords: *Syria, armed conflict, B. Asad, tribal structure, ethnic and confessional structure, the Alawites, nepotism.*